

А К А Д Е М И Я Н А У К К И Р Г И З С К О Й С С Р

Отделение общественных наук

На правах рукописи

Б.И. ЛЕВИТУС

ИРРЕЛИГИОЗНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ОБЫДЕННОГО СОЗНАНИЯ
(по материалам киргизских народных сказок)

Диссертация написана на русском языке

Специальность 09.625 - научный атеизм

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Фрунзе - 1971

43
Работа выполнена в Институте философии и права Академии наук Киргизской ССР.

Научный руководитель – академик АН Киргизской ССР, доктор философских наук А.А.АЛТЫНБАЕВ.

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор Б.А.АМАНАЛИЕВ; кандидат философских наук К.МАТИЕВ.

Ведущее научное учреждение – Институт философии и права Академии наук Казахской ССР.

Автореферат разослан "16" ноября 1971 г.

Защита состоится "6 декабря" 1971 г. на заседании Объединенного Ученого совета Отделения общественных наук АН Киргизской ССР: гор. Фрунзе, ул. XXII партсъезда, 265-а.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке АН Киргизской ССР.

Ученый секретарь Совета
кандидат экономических наук

А.М.МОЛДОКУЛОВ

ПОДПИСАНО В ПЕЧАТЬ 11/XI 1971 Г. ФОРМАТ

БУМАГИ 60 90^{1/16}. ОБЪЕМ 1,75 п. л.

Д-07281 ЗАКАЗ 2507 ТИРАЖ 200 ЭКЗ.

Г. ФРУНЗЕ, ТИПОГРАФИЯ АН. КИРГИЗ. ССР

УЛ. ПУШКИНА, 144.

Эпические произведения, возникшие задолго до появления письменности и древнейших форм идеологии, хранят в себе глубокие пласты духовной культуры, которые характеризуют истоки свободомыслия народа, дают наглядное представление о его миропонимании на различных этапах развития общественной мысли.

В.И. Ленин придавал важное значение историческому творчеству народных масс. Он отмечал, что "ум десятков миллионов творцов создает нечто неизмеримо более высокое, чем самое великое и гениальное произведение"¹. С этой точки зрения фольклор представляет собой особую сферу нравственно-эстетического сознания. В нем общественное сознание народа выражается не в абстрактных формулах, не с помощью теоретических обобщений, а путем художественного осмысления явлений объективной реальности и человеческих отношений. При этом одним из существенных элементов художественного отражения действительности являются наивно-материалистические представления, в основе которых лежит общественно-исторический опыт народных масс.

В.И. Ленин допускал наличие наивного, нефилософского взгляда у всех людей, "которые не задумываются о том, существуют ли они сами и существует ли среда, внешний мир"². Он говорил о "наивном реализме" всякого здорового человека³. Эта особенность народного миропонимания проявляется и в произведениях устно-поэтического творчества. В них синтезируются реалистическое и романтическое освоение действительности, богатейший эмпирический опыт, народная мудрость и донаучное знание. Такой синтез и породил тот стихийный, "наивный" реализм, о котором говорил В.И. Ленин в "Материализме и эмпириокритицизме" и который впоследствии был положен материалистами-философами в основу теории познания.

В современных условиях, когда буржуазная идеология пред-

¹ В.И. Ленин. Полное собрание сочинений, т.35, стр.281.

² Там же, т.18, стр.63.

³ Там же, стр.65.

принимает бешеные атаки на материалистическое учение и безуспешно пытается заменить его различными "новейшими" идеалистическими теориями, игнорировать роль народных масс в создании духовных ценностей, изучение фольклора в философском аспекте приобретает исключительно важное значение. Однако, как отмечалось в нашей печати¹, в философской науке еще очень мало сделано для того, чтобы выполнить задачу, поставленную В.И. Лениным, — исследовать народную философскую мудрость.

В республиках Средней Азии и Казахстане за последние годы выполнен ряд исследований по истории философии. В частности, привлекают внимание работы А.А. Алтмышбаева, Б. Аманалиева, С.Ибыкеева, Дж.Сопуева, А.Богоутдинова, С.Омарбаева, Л.Исламовой, А.Г.Гаджиева². В других республиках исследованиями по

¹ См. Некоторые итоги философских исследований в СССР.

"Вопросы философии", 1965, № 5, стр.30-32.

² А.А.А л т м ы ш б а е в. Из истории развития общественно-политической и философской мысли киргизского народа в конце XIX и в начале XX века. "Известия АН Киргизской ССР", вып.IV, 1957; Б.А м а н а л и е в. Из истории философской мысли киргизского народа. Фрунзе, Изд-во АН Кирг.ССР, 1963; Е г о ж е. Киргизские мыслители XIX — начала XX века. Дисс. на соискание ученой степени доктора философских наук. Фрунзе, 1965; С.И б ы к е е в. Из истории свободомыслия киргизского народа. Дисс. на соискание ученой степени канд. философских наук. М., 1965; Дж. С о п у е в. Антиклерикальные и атеистические идеи передовых мыслителей Киргизии конца XIX-начала XX вв. Дисс. на соискание ученой степени канд. философских наук. М., 1969; С. О м а р б а е в. Стихийный материализм и антирелигиозные мотивы в народном мировоззрении (на материалах казахского устно-поэтического творчества). Дисс. на соискание ученой степени канд. филос. наук. Алма-Ата, 1969; А.М.Б о г о у т д и н о в. Очерки по истории таджикской философии. Душанбе, 1961; Л.И с л а м о в а.

этой проблеме занимались М.Абдуллаев, П.И.Валескали, И.Н.Лущинский, И.Барздайтис, А.Г.Ватъян, К.Ф.Фасеев, В.К.Чалоян, С.Н.Григорян, Р.А.Алиев и др.¹

В работах А.А.Алтмышбаева, Б.Аманалиева, С.Ибыкеева и Дж.Сопуева рассматриваются главным образом философские воззрения киргизских акынов-просветителей, вкратце освещен вопрос об отражении народного свободомыслия и атеистических идей в киргизских поэмах, народных лирических песнях, пословицах и поговорках. В качестве отдельных примеров, иллюстрирующих народное миропонимание, приводятся некоторые киргизские сказки. Специального исследования, посвященного анализу познавательного и идейного содержания

(продолжение сноски) Проблема народности в эстетическом наследии узбекских просветителей (конец XIX-начало XX в.) Дисс. на соискание ученой степени канд. философских наук. А.Г а д ж и е в. К вопросу о гносеологических корнях ранних религиозных представлений. Душанбе, 1963.

¹ М.А.А б д у л л а е в. Из истории философской и общественно-политической мысли народов Дагестана в XIX в. М., 1968; П.И. В а л е с к а л и. Очерк развития прогрессивной философской и общественно-политической мысли в Латвии. Рига, 1967; И.Н. Л у щ и н с к и й. Нарысы па гісторыі грамадска-палітычнай і філасофскай думкі у Беларусі у другой палавіне XIX веку. Минск, 1958; И.Б а р з д а й т и с. Литовская атеистическая мысль конца XIX-начала XX в. о происхождении и изменении религии. Дисс. на соискание уч.ст.канд. филос. наук. Вильнюс, 1960; А.Г. В а т ь я н. Из истории борьбы материализма против идеализма в армянской философской мысли конца XIX в. Дисс. на соискание уч.ст.канд. филос. наук. М., 1960; К. Ф а с е е в. Из истории татарской передовой общественной мысли. Казань, 1956; В.К.Ч а л о я н. История армянской философии. Ереван, 1959; С.Н.Г р и г о р я н. Из истории философии Средней Азии и Ирана UP-XP вв. М., 1960; Р.А.А л и е в. Стихийный материализм и атеистические мотивы в азербайджанском устном творчестве. Дисс. на соискание уч.ст.канд. филос. наук. Баку, 1970.

киргизских народных сказок и отражению в них элементов народного миропонимания, свободомыслия и иррелигиозных воззрений, нет не только в киргизской философской литературе, но и в фольклористике. Это обстоятельство поставило диссертанта перед необходимостью некоторых текстологических изысканий, без которых невозможно раскрыть гносеологию и диалектику киргизской народной сказки. Одновременно использована литература по философии, эстетике, этнографии.

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и библиографии.

Во введении освещается изученность вопроса, дается краткий обзор литературы и источников, характеризуются задачи исследования и методологический подход диссертанта к их решению.

Сказочный вымысел имеет древнюю генеалогию и обусловлен опытом отношения человека к явлениям природы и общественной жизни. Он базируется на реальных представлениях и обыденных понятиях, являющихся как бы масштабом, по которому поверяется отношение рассказчика и слушателей к рассказываемому. Рассказывание и восприятие сказки является одновременно и коммуникативным, и творческим актом. В диссертации на основе рассмотрения сюжетов народных сказок делается попытка выявить их мировоззренческий потенциал, роль и место в общественном сознании, сопоставить их с уровнем народных знаний и представлений.

Исследуя материалы народных сказок как источник, предшествовавший формированию атеистических идей в киргизском обществе, диссертант исходит из принципиальной предпосылки, заключающейся в том, что в миропонимании киргизского народа до Октябрьской революции существовали и противоборствовали два начала: с одной стороны, религиозные, а с другой — наивно-материалистические представления. Первые были обусловлены стихийными силами, в которых проявлялось господство природы над человеком и классово-антагонистических отношений, а вторые — воздействием человека на социальную действительность и природу.

Формы мышления, склад ума киргизского народа нашли свое закрепление не только в оригинальных произведениях устного народного творчества, но и в освоении и интерпретации духовных

ценностей народов, с которыми киргизы исторически были связаны. И в том, и в другом случае в фольклоре вообще и в сказках, в частности, находили воплощение результаты практического освоения мира. При этом отражение в сказках объективной действительности не является зеркальной копией, мертвым отпечатком определенных реалий. Воссоздавая картины народной жизни, сказка гармонически сочетала в себе реальность и вымысел, фантазию и трезвость ума. Специфика жанра позволяла совмещать в одном ракурсе ретроспективу и перспективу народных представлений и идеалов.

Создатели сказок не только отражали объекты, но и сами отражались в них, не только учили и воспитывали, но также учились и воспитывались сами. В этом проявлялась действенность наивно-материалистического начала народного миропонимания, которое крепло и развивалось в процессе разносторонней исторической практики.

Процесс познания и дефетишизации явлений действительности у киргизов был медленным. Он проходил без сознательного философствования, попыток абстрактно-теоретических обобщений. Но в нем закладывались зачатки и предпосылки философского мышления. Появление же собственно философской мысли явилось собой исторический скачок, новый этап в умственном развитии народа. Сопоставляя конкретные факты и сказочные мотивы, диссертант пытается пролить свет на гносеологические причины религиозной индифферентности киргизов, которую отмечали различные исследователи XIX и начала XX века.

В первой главе — "ОБ ОТНОШЕНИИ СКАЗКИ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ И РЕЛИГИИ" — рассматриваются некоторые теоретические вопросы, относящиеся к истории возникновения сказки и религии и определению их места в общественном сознании.

Осмысление народного творчества в гносеологическом и социально-историческом аспектах представляет несомненный интерес. Автор диссертации полагает, что в решении этой задачи немаловажная роль принадлежит изучению народной сказки с позиций диалектического и исторического материализма, так как она занимает в народном мировоззрении передовые рубежи на

линии борьбы между материализмом и идеализмом. Это объясняется, в первую очередь, тем, что сказка, в основе которой лежит фантастический вымысел, непосредственно сталкивается с наиболее воинствующей формой идеализма — религией.

К.Маркс отмечал, что и сама философия "... сначала вырабатывается в пределах религиозной формы сознания и этим, с одной стороны, уничтожает религию как таковую, а с другой стороны, по своему положительному содержанию сама движется еще только в идеализированной, переведенной на язык мыслей религиозной сфере"¹.

Это высказывание К.Маркса дает основание говорить о древнейших связях между различными формами общественного сознания, которые, возникая на одной почве, в дальнейшем не только развиваются в различных направлениях, но и вступают между собой в непримиримую борьбу.

И сказка, и религия возникли первоначально как формы отражения неосознанного бессилия человека перед природой. Древние люди не знали глубинных законов природы, и это приводило ко всеобщей релятивизации вещей, к произвольному связыванию их друг с другом. Каждая вещь воспринималась ими не только как совокупность ее естественных свойств, но и как нечто таинственное, "сверхъестественное". Многие буржуазные философы и фольклористы, спекулируя на том, что сказка и религия возникли на одной почве, объявляют любую сказку, любую фантазию, любое одушевление природы продуктом религиозного мировоззрения. Между тем еще домарксистские философы видели различие между образами искусства и религии. Так, Л.Фейербах считал, что "искусство не выдает свои создания за нечто другое, чем они есть на самом деле, т.е. другое, чем создания искусства; религия же выдает свои вымышленные существа за существа действительные"². В.И.Ленин в конспекте книги Фейербаха "Лекции о сущности религии" записал следующую его мысль: "Искусство не требует признания его произведений за действительность"³.

¹ К.М а р к с и Ф.Э н г е л ь с. Сочинения, т.26, ч.1, стр. 23.

² Л.Ф е й е р б а х. Сочинения, т.Ш, стр.198.

³ В.И.Л е н и н. Философские тетради. Полное собрание сочинений, т.29, стр.53.

Таким образом, искусство, в том числе и сказка, отличается от религии по своему происхождению, содержанию и социальной роли. В противовес религиозной, художественная фантазия способна звать людей к прогрессу. В этой связи диссертант высказывает мысль о том, что по мере развития человеческого общества и человеческих знаний происходило ослабление исконной функции сказки как формы художественно адекватного отражения действительности. Ее мифологическая основа все более утрачивала связь с конкретными представлениями людей об окружающем их мире.

Говоря о характере вымысла в народной сказке, диссертант выделяет три его разновидности. Во-первых, это образы, предметы и явления, которые не имеют аналогов в действительности, но в них заложен элемент предвидения (ковер-самолет, сапоги-скороходы, волшебное зеркало и т.п.). Во-вторых, это существа и предметы, наделенные сверхъестественными свойствами, которые выполняют в сказке художественные функции (гиперболизации, усиления динамики действия, противопоставления, эмоциональной окраски). В-третьих, вымышленные ситуации, которые могли иметь место в действительности. С их помощью в сказках на завершающем этапе их развития выражаются народные идеалы и чаяния.

Чтобы наиболее полно выяснить соотношение сказки и действительности, необходимо не только иметь представление о том, насколько и каким образом действительность отражена в самом содержании сказок, но и определить их социальные функции на каждом конкретном этапе общественного развития. При этом надо иметь в виду, что способность человека абстрактно мыслить проявляется двояко: при помощи воображения действительность в сознании людей может быть искажена (религия) или преобразована (сказка). В этом заключен один из философских аспектов последней.

Автор проводит мысль о том, что традиционность формы и сюжетов, сама специфика жанра ограничивали возможности проникновения в сказку элементов, чуждых ее природе, духу народной мудрости. Чтобы проследить эту особенность на примерах киргиз-

ских народных сказок, в первой главе делается краткий экскурс в историю формирования киргизской народности и религиозных верований на различных этапах этого процесса.

Доисламские верования киргизов характеризовались широким синкретизмом. В них обнаруживаются заметные элементы тотемизма, шаманизма, анимизма и даже аниматизма¹. По свидетельству ряда исследователей, у киргизов был распространен культ Огня, Воды и Земли, они поклонялись Небу (Тенир), верили в духов-покровителей (арвак), племена и роды считали своими предками различных животных. После проникновения в Киргизию ислама его элементы вошли в эту политеистическую систему в качестве составной части.

Процесс активного распространения мусульманства, начавшийся во второй половине ХУП-начале ХУШ вв., совершался в Киргизии очень медленно. По многочисленным свидетельствам европейцев, в XIX-начале XX вв. широкие народные массы придерживались в основном древних языческих обычаев и верований.

Вполне закономерно, что эти древние представления оставили заметный след в устно-поэтическом творчестве, в частности в сказках. Этот вопрос рассматривается во второй главе диссертации—"ОТРАЖЕНИЕ РАННИХ ЭТАПОВ МИРОПОНИМАНИЯ В КИРГИЗСКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ".

В основе большинства сказочных сюжетов лежит дуалистический миф, который возник на заре развития человеческого общества. А.М.Золотарев на основе анализа огромного материала из истории многочисленных народов показал, что человеческое стадо разделялось вначале на две экзогамные половины (фратрии)². По представлениям первобытных людей, члены фратрий отличались резко противоположными физическими и духовными

качествами. Эти представления вытекали из враждебных отношений между племенами и нашли отражение в их начальной идеологии — дуалистическом мифе.

Первобытные люди разделяли на противоположные категории весь окружающий их мир: доброе и злое, белое и черное, день и ночь, твердое и мягкое, зиму и лето и т.д. Таким образом, в дуалистическом мифе получил отражение первый опыт общения человека с природой, он явился простейшей аналогией между природными явлениями и человеческими отношениями. Диалектика жизни представляла перед человеком в самом элементарном виде: с одной стороны, он воспринимал контрасты окружающего мира, силы, противоборствующие в нем. С другой стороны, он уже приобрел опыт отношения к природе, использовал ее блага и научился противостоять ее стихийным силам.

Эти первые представления и породили у всех народов циклы сказок о животных. Они имеют наиболее древнее происхождение и самым тесным образом связаны с тотемизмом. Возникновение тотемистических представлений является результатом перенесения социальной организации людей на силы природы. В киргизских народных сказках мы находим различных животных и птиц, персонифицированных в образы положительных и отрицательных героев¹.

Как известно, киргизы были умелыми охотниками, они хорошо знали повадки зверей и птиц. В первобытном обществе рассказы, а затем сказки о животных имели немаловажное значение для воспитания будущих охотников, так как в них обобщались конкретные знания. В более позднее время сказки о животных абстрагировались, им придавалась этическая и социальная направленность.

У киргизов культ животных существовал на протяжении нескольких веков. Вплоть до XIX столетия они почитали таких покровителей животного мира, как Кайып, Камбар-ата, Зенги-

¹ См. Б.А.Маналяев. Доисламские верования киргизов. В сб. "Религия, свободомыслие, атеизм". Фрунзе, Изд-во АН Кирг.ССР, 1967; Т.Д.Баялиева. Доисламские верования и их пережитки у киргизов. Фрунзе, 1970 (рукопись).

² А.М.Золотарев. Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964.

¹ См. Киргизские народные сказки: "Тулку менен кене"; "Арстан менен коён"; "Тулку менен карышкыр"; "Мышкы менен чычкандар" и другие.

баба, Чолпон-ата, Ойсул-ата и т.д. В племенном делении до сравнительно недавнего времени сохранились названия животных – тотемов: бугу (олень), сары-багыш (желтый лось) и др. Материалы ряда народных сказок подтверждают, что у киргизов существовал племенной тотемизм, который тесно переплетался с материнским культом. Это – весьма редкое явление в истории религии. В дальнейшем, по мере того, как сказки теряли свою хронологическую связь с конкретными проявлениями тотемизма, они объединяли ряд сюжетов, которые становились элементами сложного поэтического повествования. В сказках отчетливо прослеживается, как в результате ослабления тотемистических верований почитание зверей сменяется откровенной насмешкой над былыми тотемами.

В киргизских сказках сохранились следы шаманизма, магических представлений, веры в духов. Ряд их образов и сюжетов является продуктом синкретических домонотеистических верований. В диссертации подчеркивается, что эти верования нельзя рассматривать как мертвые отпечатки древних представлений, как неизменные "психологические комплексы". Сказка жила своей образной жизнью, о чем свидетельствует "послойный" характер ее мыслительного материала. Она синтезировала и постоянно трансформировала идеи, образы, сюжеты. Поэтому древние ее "пласты" следует рассматривать как пережитки забытых представлений и обычаев. Процесс их освоения в сказке неразрывно связан с историческими условиями. Диссертант на ряде примеров показывает национальную самобытность материала киргизских народных сказок в сопоставлении со сказками других тюркоязычных народов, большей частью с казахскими.

Анализ простейших сказочных сюжетов, героями которых являются животные, показывает, что это – сказки-реликты. Неприязнательность и неразделимое единство формы и содержания оградило их более поздних религиозных наслоений, развитие их шло от верования к неверию, постепенно сказочная фантастика стала восприниматься как аллегория. Образы животных уже не вызвали чувства страха и поклонения, а выполняли эстетическую функцию.

К сказкам о животных наиболее близки по времени своего возникновения волшебные сказки. Обычно принято считать, что каждой сказке присущ элемент волшебства, фантастики. Это представление, по-видимому, имеет под собой почву, так как сказка по своей природе является художественной фантастикой. Она существенно отличается от религиозной легенды, исторического предания, сказа. В преданиях и легендах события приносятся таким образом, будто они происходили в действительности, подчеркивается их достоверность. Что же касается сказки, то ее характер определяется установкой всего повествования на вымысел, вопрос о достоверности при этом снимается¹.

Здесь кроется известный парадокс: сказка отражает действительность, рисуя события, которых в действительности не было. Это диктовалось необходимостью противопоставить суровым условиям жизни иной, выдуманный мир, где блага даются не ценой изнурительного труда и физических мучений, а приходят в результате волшебных превращений или ловкости и смекалки, проявленной героями. Мечты и чаяния народа с помощью фантазии преодолевают сковывающие их экономические и социальные факторы. Следовательно, сказка рисует действительность такой, какой она предстает в понимании народа. Вымысел в волшебных сказках берет начало из реальной действительности.

Е.М.Мелетинский обоснованно утверждает, что завершение формирования волшебной сказки связано с появлением мотивов социально-бытового характера². Не составляет исключения и киргизская волшебная сказка. В реферируемой работе показано, что социальные мотивы вошли в нее на завершающей стадии развития. Конфликт в волшебных сказках, как правило, вытекает из отношений между ханами и представителями трудового народа. Основная тема – бедность и богатство, положительными героями

1 Э.В.Померанцева. Судьбы русской сказки. М., Изд-во "Наука", 1965, стр.6.

2 Е.М.Мелетинский. Герой волшебной сказки. Происхождение образа. М., Изд-во "Восточная литература", 1958, стр.15.

являются бедные и обездоленные люди, отрицательными — ханы, их дети, визири и т.д. Народный идеал выражается в том, что добро и справедливость торжествуют над злом и насилием, герои совершают подвиги не только во имя личного счастья, но и для всеобщего блага. Эти мотивы представляют собой "едва ли не первую социальную программу", изложенную языком сказки¹.

Сказочные герои решают социальные задачи в реальной обстановке. В диссертации проводится мысль о том, что существенной чертой киргизской волшебной сказки является то, что ее фантастика не оторвана от земных проблем. Что же касается элементов сверхъестественного, то их наличие в сказке отнюдь не связано с безоговорочным признанием божественного начала. Как верно отмечал Г.В.Плеханов, всякое божество является сверхъестественным существом, но не всякое сверхъестественное существо считается богом².

На ряде примеров и сопоставлений показано, что создатели киргизских народных сказок, отражая в них окружающий мир на уровне обыденного сознания, приходили нередко к неверным выводам, а иногда — и к религиозно-мистическим умозаключениям. И все же сказки, располагая таким выразительным средством как повествование, в определенной мере раскрывают диалектику многообразия предметов и явлений окружающей действительности. На стихийно-материалистической основе их создатели приходят к догадке о том, что явления существуют независимо от воли и сознания людей. Идея многочисленных киргизских сказок сводится к тому, что ценой усилий и упорства мир можно познать и подчинить себе его непонятные силы. Закрепляясь в художественных образах, практические результаты освоения действительности становятся средством более углубленного развития народных представлений о мире.

1 См. В.П.А н и к и н. Русская народная сказка. М., Учпедгиз, 1959, стр. 155.

2 См. Г.В.П л е х а н о в. О религии и церкви. М., Изд-во АН СССР, 1957, стр.148.

В творчестве народных масс получили свое отражение наиболее существенные элементы обыденного сознания. Пытаются раскрыть природу процессов, происходящих в окружающей среде, объяснить характер отношений между людьми, народная мысль вырабатывала и закрепляла в устных произведениях фрагменты информации, доступные широкой аудитории.

Обыденное сознание является частью общественного сознания, которая отражает материальный мир через представления, взгляды и идеи людей.

В.И.Ленин, характеризуя особенности обыденного сознания, писал: "Каждый отдельный производитель в мировом хозяйстве сознает, что он вносит какое-то изменение в технику производства, каждый хозяин сознает, что он обменивает какие-то продукты на другие, но эти производители и эти хозяева не сознают, что они изменяют этим общественное бытие"¹.

Следовательно, в гносеологическом аспекте обыденное сознание характеризуется эмпиризмом, чувственными и волевыми проявлениями, а в социальном — оно связано с общественным производством и выступает в форме знаний, нравственных норм, символов и т.д.

Нередко считают, что формирование идеологии происходит за счет деятельности "избранных" представителей класса, социальной группы. Однако идеология народных масс может выступать не только в чисто теоретическом виде, но и в форме общественного сознания, не объединенного целостной структурной системой.

"Никогда этого не было,— писал В.И.Ленин,— да и теперь этого нет, чтобы члены общества представляли себе совокупность тех общественных отношений, при которых они живут, как нечто определенное, целостное, проникнутое каким-то началом; напротив, масса прилагивается бессознательно к этим отношениям и ... не имеет представления о них, как об особых исторических общественных отношениях..."².

1 В.И.Л е н и н. Полное собрание сочинений, т.18, стр.345.

2 Т а м ж е, т.1, стр.136.

В.И. Ленин отмечал различие между сознанием вообще и общественным сознанием. В связи с этим он писал: "Сознание вообще отражает бытие, — это положение всего материализма. Не видеть его прямой и неразрывной связи с положением исторического материализма: общественное сознание отражает общественное бытие — невозможно"¹.

Таким образом, из высказываний В.И. Ленина вытекает, что общественное сознание прежде всего отражает социальные отношения и является продуктом деятельности всего общества. При этом следует выделять две ступени, два уровня сознания — вначале разумные мысли и действия людей, а затем — формирование общественного сознания как целостной и развивающейся системы.

В киргизском обществе, вплоть до создания Советской властью системы народного образования, развитой письменности, профессиональной литературы и искусства, научных учреждений, господствовало в основном донаучное сознание, ограниченное условиями патриархально-феодалного общества. Специфические черты структуры общественного сознания той эпохи и его уровень получили весьма широкое отражение в киргизских народных сказках. Рассмотрению их в этом аспекте посвящена третья глава диссертации — "СВОБОДОМЫСЛИЕ, НАИВНО-МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКИЕ И ИРРЕЛИГИОЗНЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ В КИРГИЗСКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ".

Большинство буржуазных исследователей, как правило, не освещает общественно-исторические, социальные процессы, отраженные в сказке. Они утверждают, что моральные идеалы врожденные и неизменны, все дело сводится ими к отражению представлений и обычаев, которые сами по себе требуют объяснения. Между тем черты национального своеобразия мы находим в каждой отдельной сказке или даже варианте. При этом различные компоненты национального своеобразия изменяются во времени так же, как и остальные элементы сказок.

Многие трудные вопросы, связанные с генезисом сказки, ее идейными и гносеологическими корнями, можно с наибольшей дос-

товерностью решать на материалах бытовой сказки. Анализ ее в этом аспекте значительно проще, так как социальные мотивы получают здесь наиболее выраженную форму. Это отнюдь не означает, что раскрытие социальной природы народного миропонимания является привилегией только лишь бытовой сказки. Об этом подробно говорится в предыдущих главах диссертации. Однако бытовая сказка более свободна от фантастического вымысла, ее идейная направленность более заострена. В киргизской бытовой сказке мы находим отражение элементов обычного права, нравственных норм, истории, знаний, практического опыта охотников, скотоводов, земледельцев, сведений о народной медицине, астрономии и т.д. Действие сказки происходит в знакомой обстановке — среди гор, степей, реже оно переносится в города. Герои наделены реалистически вычерченными характерами, четко определена их классовая, социальная принадлежность.

Типичным примером такой сказки является "Кара таштардын сыры" ("Тайна черных камней")¹. Хотя здесь социальный протест не поднят до уровня классового самосознания, но народ уже понимает необходимость активных действий против эксплуататоров.

Киргизская бытовая сказка многопланова, она охватывает все сколько-нибудь существенные стороны общественных отношений и, оставаясь в рамках устной поэтической традиции, отражает в обобщенном виде уровень бытового сознания народа. Закрепленные в сказках народные формы мышления являются результатом практического освоения мира и представляют собой адекватное художественное отражение действительности.

Р.Я. Вийдалепп отмечает, что при низком уровне общественного производства устные прозаические рассказы были самым тесным образом связаны с трудом и призваны способствовать его успеху². Возникновение всех видов искусства непосредственно

¹ Киргиз эл жомугу. Фрунзе, Кыргызокуумамбас, 1960, стр. 201-203.

² Р.Я. В и й д а л е п п. О характере, функциях и рассказчиках эстонских народных сказок. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст., канд. филол. наук. Таллин, 1965.

¹ В.И. Л е н и н. Полное собрание сочинений, т. 18, стр. 343.

связано с общественным производством, и эмоциональная сторона трудовой деятельности первобытного человека оказывала сильное влияние на формирование его эстетических потребностей.

В условиях первобытно-общинного строя труд каждого человека, в том числе и духовный, был достоянием всех членов рода, племени. И миф, и сказка возникли на базе общественно-го труда, так как для их создания необходимо было осмыслить множество жизненных явлений. Не случайно поэтому почти в каждой сказке в том или ином выражении (непосредственно или опосредованно) присутствует тема труда. Отмечая эту особенность сказки, А.М.Горький писал: "... труду, производящему ценности", мы должны возратить его значение как возбудителя художественного творчества, как основного источника искусства¹. В то же время Горький обращал внимание на двойственное отношение героев сказки к труду. С одной стороны, он был для народа тяжким бременем, с другой - источником радости, поскольку приносил не только материальные блага, но и моральное удовлетворение.

Все сказанное в полной мере относится и к киргизским народным сказкам. В большинстве из них труд выступает как сила, приносящая людям богатство и счастье. Чтобы достичь заветной цели, герой должен пройти через испытание трудом (см. сказки "Уговор хана Абаскера", "Богач Сулейман", "Умный дехканин" и др)². В диссертации подчеркивается, что киргизская сказка своим внутренним содержанием противостоит религиозной догме о том, что труд является наказанием за грехи, платой за легкую и беззаботную жизнь в потустороннем мире. Простые труженики видели прямую связь между трудом и его результатами. Их наблюдения нашли выражение в таких пословицах, как: "Труд тяжел, но плоды его сладки"; "Разве для

¹ М.Горький. Собрание сочинений, т.27, стр.496.

² Рукописный фонд ИЯЛ АН Киргизской ССР, инв. № 1451; Киргыз эл комогу. Фрунзе, 1960.

обладателя топора нет дров?"¹.

В диссертации показано, что абстрактное мышление народа поднимается до обобщений, в основе которых лежит наивно-материалистический подход к познанию мира и общественных явлений.

Особое место в киргизской народной сказке занимает отношение народа к уму, знаниям, опыту (см., например, сказки "Богатство, счастье, ум", "Благо, полученное от мудрых советов", "Семеро сыновей" и др.)². На примерах киргизских народных сказок в диссертации сделана попытка проследить за тем, как возникали первоначальные формы познания объективной закономерности явлений, как человек устанавливал причинные связи в окружающей природе. Народная мысль стихийно овладевала такими категориями, как причинность, всеобщность, необходимость. Научно сформулировать эти философские категории народ не смог в силу низкого уровня обиденного сознания, но он понимал объективные связи между явлениями и руководствовался ими в повседневной практике. Одновременно с этим в киргизских народных сказках отмечается сильный слой оригинальных философских наблюдений, иногда приписываемых отдельным личностям, в частности легендарному мыслителю Асанкайгы (сказка "Хан Джаныбек и Мирзатоле"). Сказки буквально пересыпаны хитроумными загадками, афоризмами, философско-этическими сентенциями.

Признавая исключительное значение знаний и мудрости, сказка сама стала их носителем и выразителем. В ней в художественной форме излагались верные наблюдения, из которых позднее формировалось знание. Весьма интересны в этом отношении космогонические представления киргизов, нашедшие отражение в сказках. Здесь мы находим и чисто образные ассоциации, и попытки материалистического объяснения строения Земли и вселенной.

¹ Рукописный фонд ИЯЛ АН Кирг.ССР, инв. № 489.

² Там же, инв. № 809, 1450; Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области, т.ХП, отд.П - "Этнографические материалы". Ташкент, 1905.

Кочевое хозяйство киргизов находилось в тесной зависимости от природных явлений. Необходимость наблюдения за небесными светилами и связью между их расположением и временами года, изменениями погоды способствовала накоплению практических знаний, выработке методов предсказания погоды, ориентации по звездам в ночное время и т.д. Среди киргизов были известны многочисленные эсепчи (звездочеты, вычислители), которые обладали феноменальной памятью. Наблюдая за небесными светилами, поведением зверей и птиц, они на основе многолетних наблюдений довольно точно предсказывали погоду.

Представления киргизов об окружающем мире строились главным образом на эмпирических знаниях, передаваемых из поколения в поколение. Однако, несмотря на то, что эти представления были весьма далекими от истинного положения, в их основе лежали не мистические абстракции, а конкретное восприятие природных явлений. При таком уровне обыденного знания складывались благоприятные условия для художественного осмысления природы небесной и земной сфер. В устном творчестве киргизов мы встречаемся с целым рядом персонификаций природных явлений: "Отчего Луна печальна, отчего она бледна?", "Нежная красавица — дочь Плеяд", "Созвездие Три архара", "Девочка на Луне" и др.¹

Если сравнить эти сказки с религиозными притчами, в которых явления природы объясняются предопределением свыше, то мы увидим, что небо не обожествляется, а очеловечивается. Народ отождествляет непонятные явления с привычными представлениями. Так, в частности, обстоит дело и с объяснением строения Земли.

В 1911 году в журнале "Средняя Азия" была опубликована записанная М.Бекимовым казахская легенда. В ней говорится о том, что бог поместил Землю на рогах быка. Морские приливы и отливы происходят при вдохе и выдохе быка. В море находится большая рыба Нун, на спине которой бог поместил скалу, и ког-

¹ Киргыз эл жомугу. Фрунзе, 1960, стр. 165, 166, 167.

да рыба ворочается, происходят землетрясения.

Согласно другой версии этой легенды, записанной у киргизов, Земля держится на рогах синего быка или на спине огромной рыбы. Если один рог быка устает, он переставляет Землю на другой — от этого происходят землетрясения.

Происхождение этой легенды весьма примечательно. Арабский автор IX в. Ибн-аль-Факих приписывает пророку Мухамеду следующее изречение (хадис): "Земля (держится) на рогах быка, а бык на рыбе, а рыба на воде, а вода на воздухе, а воздух на влажности, а на влажности обрывается знание знающих". Почти не вызывает сомнений, что киргизская и казахская версии являются своеобразной интерпретацией религиозной притчи. Но если в хадисе признается полное бессилие "знающих" объяснить, на чем держится Земля, то в народной трактовке, которую по духу можно назвать наивно-материалистической, сделана попытка установить взаимосвязь явлений, в частности объяснить причины землетрясений.

Исследуя и сопоставляя источники, автор реферируемой диссертации обнаружил новейшие сведения, проливающие свет на происхождение легенды о Земле, которая держится на рогах быка. В 1969 году иранский историк Мехрдар Бахар опубликовал интересные данные о развитии географии в древнем Иране. На основании пехлевийских писем, мифов и древних сказаний, дошедших до нас в письменной форме, Бахар составил карту Азии, какой ее представляли себе древние иранцы. На ней Красное море и Бенгальский залив изображены как два рога коровьей головы.

На этом примере в диссертации показано, что в основе любой легенды, любого вымысла лежат конкретные наблюдения, факты. Трактовка этих фактов может быть и религиозно-мистической, и наивно-материалистической. В народном миропонимании господствовала вторая тенденция.

Космогонические представления киргизов складывались не без влияния прогрессивных взглядов великих среднеазиатских мыслителей и ученых — Авиценны, Бируни и других. Так, например, киргизы считали, что Земля имеет форму шара и со всех сторон окружена водой. Она является центром вселенной, вокруг

которого вращаются Солнце и Луна¹. Анализируя эти и другие факты, автор диссертации приходит к выводу о том, что религиозные догмы ислама не оказали сколько-нибудь существенного влияния на космогонические воззрения киргизов.

Особо наглядное представление об уровне общественного сознания киргизского народа дают социальные мотивы сказок. Рассмотрение бытовых сюжетов позволяет увидеть широкую картину социальных отношений в патриархально-феодальном обществе. В диссертации отмечается, что сказка продолжала активную жизнь вплоть до конца XIX века и впитывала в себя элементы материальной и духовной жизни киргизского кочевого аила. Диссертант высказывает суждение о том, что по мере обострения классового антагонизма традиционные бытовые сюжеты приобретали все более четкую идейную направленность, вскрывая социальное неравенство в киргизском обществе. Можно с полным основанием говорить, что редкая сказка обходится без мотивов социального протеста. Герои сказок — бедные, обездоленные люди — постоянно сталкиваются с жестокими ханами, баями, биями, муллами². Последние, как правило, изображены жадными и глупыми, народ наделяет их самыми нежелательными характеристиками. Поступки положительных героев объективно развенчивают религиозные догматы, которые объясняют деление общества на бедных и богатых предопределением свыше.

В сказке "Джээрэнче" ("Красноречивый") социальный протест поднимается до осознания необходимости свержения деспотического хана путем вооруженного восстания. В то же время

1 М.Т.А и т б а е в. Народные знания киргизов XIX-начала XX вв. "Известия АН Кирг.ССР", т. I, вып. I, 1959, стр. 66.

2 См. сказки "Жеке таз менен жети таз" ("Один плешивый и семеро плешивых"), Киргыз эл жомогу. Фрунзе, 1960, стр. 75-77; "Хан и бедный юноша" Серебряный голос. Новосибирск, 1957, стр. 12-14; "Апенди и глупый визирь"; "Находящая молодуха". Рукописный фонд ИЯЛ АН Кирг.ССР, инв. № I45I; "Джээрэнче". Там же.

мы находим в отдельных сказках образы "справедливых" и "добрых" ханов. В этом сказывается ограниченность крестьянского миропонимания: народ не находил иных форм общественных отношений. Но все же идеи борьбы против социального неравенства питали свободолобивую мысль народа, воспитывали в нем дух непокорности, закладывали семена классового самосознания.

Свободолюбие киргизского народа ярко проявилось в отношении к женщине, которая законами адата и шариата была поставлена в положение неполноценного человека и практически лишалась элементарных свобод. Коран без обиняков относил женщин к существам низшего порядка. "Мужчины выше их (женщин) степенью своего достоинства" (гл. 2, ст. 228). Адат утверждал: "Как пастух может зарезать любую овцу из своего стада, так и муж вправе распоряжаться жизнью своей жены". Эти религиозные нормы почти не привились в киргизском обществе.

Один из исследователей этнографии среднеазиатских народов Е. Марков отмечал: "У редких цивилизованных народов женщина пользуется таким огромным значением и уважением, каким пользуются среди киргизов их жены и матери"¹. В устно-поэтическом творчестве киргизского народа мы находим целую галерею образов, в которых воплощены народные идеалы. Среди них особенно выделяются Акылкарачак, дочь ханского ловчего Абаскера, Олончак².

В ряде бытовых сюжетов показано положение женщины-киргизки в семье, брачные обычаи. Есть указания на полигамный брак, который не получил у киргизов столь широкого распространения, как у других среднеазиатских народов. Из материалов сказок видно, что, несмотря на жесткие предписания религиозного права, киргизские женщины пользовались относитель-

1 "Русский вестник", кн. II, 1899, стр. 14.

2 Рукописный фонд ИЯЛ АН Кирг.ССР, инв. № I45I, стр. 244-258; Киргизские народные сказки. Фрунзе, 1962, стр. 231-233.

ной свободой.

Особое место в диссертации отведено анализу киргизской сатирической сказки. В связи с этим автор рассматривает место сатиры, юмора и комического вообще по отношению к религиозному учению. Всякая религия была направлена на то, чтобы вызвать у верующих переживания, отвлекающие от земных проблем. Обстановка храмов и культовых мест, характер религиозных отправлений были призваны подавить положительные человеческие эмоции. Что же касается категории комического, то она безоговорочно осуждалась всеми священнослужителями и во все времена. Мусульманская религия культивировала аскетизм и фанатизм вплоть до самопожертвования.

Герои киргизской бытовой сатирической сказки находчивы, неистощимы на выдумку и являются выразителями свободолобного духа народа, протеста против гнета, насилия и имущественного неравенства. Они в то же время — олицетворение народного оптимизма, сознания морального превосходства простых людей над теми, кто творит зло и беззаконие. В диссертации анализируются циклы сатирических сказок об Алдаркосе, Апенди, Джэренче-чечене. Эти любимые в народе герои наделены такими ценными качествами, как остроумие, находчивость, справедливость, ловкость. Проделки их направлены против эксплуататоров и "святош". Нередко их шутки и обличения поднимаются до уровня политической сатиры.

Исследование киргизской бытовой сказки показывает, что она почти свободна от влияния религиозного мировоззрения. В ней нет не только религиозного мистицизма, но и сильных следов древних верований, которые составляют исконный пласт в сказочном эпическом творчестве. Киргизские народные сказки, в том виде, в каком они дошли до нас, свидетельствуют об иррелигиозном духе народного миропонимания. Обоснованию этой точки зрения автора посвящена заключительная часть третьей главы диссертации.

По свидетельству В.П.Наливкина, киргизы были "очень слабы по части не только знакомства с шариатом, но даже по

части поверхностного знакомства с наиболее обыденными отделами мусульманской религиозной обрядности"¹. Их считали мусульманами формально. Не случайно в сказках встречаются лишь отголоски того, что можно назвать религиозностью. Суждения о боге и молитвах носят довольно иронический характер.

С. Ыбыкеев, анализируя произведения киргизского устно-поэтического творчества, пришел к выводу о том, что в них содержится признание того, что мир сотворен богом. Однако народные представления о боге сводились к тому, что после сотворения мира он больше не вмешивался в дела людей². Не случайно герои сказок в борьбе за свое счастье полагались не на бога, а на собственные силы и изобретательность.

В повседневной жизни киргизы сталкивались не с проявлением "воли божьей", а с шарлатанством мулл, ишанов, имамов. Естественно, что объектом критики в сказках в первую очередь были представители мусульманского культа³. В сказке "Проделки муллы" содержится следующая сентенция: "Слушай, что мулла говорит, но не делай того, что он делает"⁴.

В силу специфических условий киргизского патриархально-феодалного общества, где функции религиозного учения выполнялись родовой идеологией, в нем не было почвы для утверждения представлений о загробном воздаянии. Материалы сказок свидетельствуют также о том, что народ скептически относился к таким религиозным мистификациям, как душа, рай, ад, конец света и т.д. В ряде сказок ("Апенди и джигиты", "Как хан в рай попал", "О киргизе, избивающем бога", "О боге и черном быке")⁵ сатира поднимается до осознанного развенчивания рели-

1 В.П.Н а л и в к и н. Туземцы раньше и теперь. Ташкент, 1913, стр.117.

2 С. Ы б ы к е е в. Из истории свободомыслия киргизского народа. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. филос. наук. М., 1965.

3 См. Рукописный фонд ИЯЛ АН Кирг. ССР, инв. № 1451.

4 "Молдонун кылыгы". Рукописный фонд ИЯЛ АН Кирг. ССР, инв. № 293.

5 Киргизские народные сказки. Фрунзе, 1962, стр. 321-322; Там же, стр. 248-254; рукописный фонд ИЯЛ АН Кирг. ССР, инв. № 293, 787.

гиозных догм. И хотя существование бога не отрицалось, выразители народной морали не верили в его неограниченное могущество и власть над людьми. Отсюда — богоборческие мотивы, которые встречаются в ряде сказок.

В диссертации высказывается суждение о том, что бог в сознании киргизского труженика существовал как отвлеченное понятие, как символ, лишенный мистического содержания. Иррелигиозное миропонимание трудового народа выражалось в индифферентном отношении к богу и религиозным отправлениям. В связи с этим автор диссертации выделяет в устном творчестве киргизского народа явление, которое он условно называет "иррелигиозным синкретизмом". Это подтверждается осуждением в сказках, пословицах и поговорках объектов религиозного поклонения, относящихся к различным верованиям. Следовательно, даже на ранних этапах развития киргизского общества возникало отрицательное отношение к религиозным постулатам. Это можно объяснить не сознательным противоборством, а стихийным протестом против тех или иных форм религиозного гнета. И, наконец, философский анализ народных сказок дает основание говорить о том, что после распространения на территории Киргизии ислама отдельные элементы древних верований остались, а в некоторых случаях остаются и теперь, в качестве предрассудков и пережитков в сознании людей.

В то же время простые люди догадывались о причинах, порождающих суеверия. Они выразили свое отношение к ним в четкой философской формулировке: "У кого нет счастья, тот суеверен"¹. Естественно, что сказка на завершающем этапе своего развития впитала в себя эти элементы иррелигиозного сознания, которые по своему наивно-материалистическому духу приближались к атеистическим идеям киргизских просветителей XIX века.

Выводы по диссертации даны в заключении. В результате сопоставления киргизских народных сказок со сказками других тюркоязычных народов автор пришел к мнению о том, что они весьма незначительно подвергались влиянию мусульманской идео-

логии. Их идейное содержание, которое составило существенный элемент обыденного сознания киргизов, свидетельствует об иррелигиозном духе народного миропонимания.

Если исходить из того, что религиозность предполагает совокупность человеческих действий, отношений и идей, связанных с преклонением перед сверхъестественным, то материалы киргизских народных сказок указывают на отсутствие такой совокупности у их носителей. В сказках господствуют элементы стихийного материалистического миропонимания, а ее фантастические образы самым тесным образом связаны с породившим ее реальным миром, социальными противоречиями и классовым антагонизмом.

Киргизская сказка не совсем свободна и от некоторых религиозных представлений. Их проявления различны по своему происхождению и не связаны сколько-нибудь стройной монотеистической системой. Народное миропонимание не отмежевывается от элементов веры в сверхъестественное.

Таким образом, в идейном отношении киргизские народные сказки не опирались на твердую материалистическую основу и не могли сознательно противостоять религиозной идеологии. Сказка не стала воинствующей формой атеизма, во-первых, потому, что вплоть до начала XX века иррелигиозное миропонимание киргизов не выросло до уровня атеистического сознания; во-вторых, потому, что относительно слабое распространение ислама в Киргизии не вызвало необходимости создания антимусульманских сказок. Антирелигиозные идеи получили развитие лишь в творчестве акинов-демократов — Токтогула Сатылганова, Тоголока Молдо, Барпы Алыкулова.

Народные сказки имеют важное значение для изучения истории общественно-философской мысли киргизского народа. Их освободолюбивые идеи и наивно-материалистические мотивы оказали несомненное влияние на формирование главных черт его мировоззрения и морали.

В программе Коммунистической партии Советского Союза отмечается значение исторического опыта народных масс для современной идеологии. В ней, в частности, говорится: "Коммунистическая мораль включает основные общечеловеческие моральные нормы, которые выработаны народными массами на протяжении тысячелетий в борьбе с социальным гнетом и нравственными пороками"¹. Сказки, в том числе и киргизские, всегда были и остаются носителями народной мудрости и морали. В этом — их непреходящая ценность.

Основное содержание диссертации изложено в следующих публикациях:

1. Кыргыздын элдик жомокторундагы атеистик идеялар. На киргизском языке. В сб.: "Илим динди ашкерелейт". Фрунзе, Кыргызмамбас, 1961. 0,9 п.л.
2. Атеистические идеи в киргизских народных сказках. В сб.: "Религия, свободомыслие, атеизм". Фрунзе, изд-во "Илим", 1967. 1,2 п.л.
3. Об отношении киргизской сказки к действительности и религии. "Известия Академии наук Киргизской ССР", 1971, № 2, стр. 101-106. Подписано к печати 20.V.1971 г.

¹ Материалы XXII съезда КПСС. М., 1962, стр. 410.